

Мэри Элис Монро

и Анджела Мэй

Островитяне

Перевод Александры Глебовской

Островитяне

Мэри Элис Монро

Островитяне

«Popcorn books»

2021

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Монро М.

Островитяне / М. Монро — «Popcorn books»,
2021 — (Островитяне)

ISBN 978-5-6048362-3-1

Жизнь одиннадцатилетнего Джейка переворачивается с ног на голову: его папу ранили в Афганистане, и мама уезжает за ним ухаживать. Это значит, что лето Джейк проведет на крошечном острове Дьюис со своей бабушкой. Остров оказывается природным заповедником, далеким от цивилизации: здесь нет машин, асфальтированных дорог, ресторанов и даже магазинов. Что еще хуже – бабушка не любит телевидение и интернет. На острове Джейк остается без телефона, видеоигр и друзей. Кажется, это будет худшее лето в его жизни!.. Однако на острове он встречает других детей – Мейсона и Лоуви. Втроем они отправляются на поиски приключений и попутно делятся друг с другом семейными тайнами.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-6048362-3-1

© Монро М., 2021
© Popcorn books, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мэри Элис Монро, Анджела Мэй Островитяне

*Посвящаю эту книгу своим внукам Джеку, Тедди, Деленси, Уэсли,
Пенелопе и Генри.*
М. Э. М.

Посвящаю эту книгу своим детям Мэсону и Эйдену
А. М.

ISLANDERS
by Mary Alice Monroe and Angela May

Перевела с английского Александра Глебовская

Text copyright © 2021 by Mary Alice Monroe
Illustrations copyright © 2021 by Jennifer Bricking
© А. Глебовская, перевод на русский язык, 2022
© Издание, оформление. Popcorn Books, 2022

Глава 1

Паром в никуда

Каждый должен чем-то пожертвовать

Лето у меня будет – ну хуже некуда! Сажу и дожидаюсь парома – а потом придется провести все каникулы с бабушкой в какой-то глуши.

«Бу-у-у-у-у!» – громкий гудок сирены на пароме разнесся по всему длинному деревянному причалу. От этого звука у меня екнуло в животе.

– Пора на борт, Джейк, – сказала мама.

Я заметил, что улыбка у нее притворная. Собственно, непритворной я не видел уже несколько недель. Нам обоим стало не до улыбок после того телефонного звонка и сообщения о папе.

Над причалом висела большая вывеска с надписью: «ПАРОМ НА ОСТРОВ ДЬЮИС». Довольно много пассажиров дожидалось белого двухпалубного парома – они стояли возле своих багажных тележек, набитых продуктами, чемоданами, удочками, рыболовными снастями и даже шезлонгами. Мимо меня провели на поводке двух собачек – они тявкали от возбуждения.

– Мам, а мне обязательно туда ехать? – Я решил сделать последнюю попытку. – Мне очень хочется остаться с тобой. Ну пожалуйста! Я буду хорошо себя вести. Обещаю!

Мама понурила плечи.

– Джейк, мы с тобой уже сто раз об этом говорили. Я не знаю, надолго ли уеду, а оставлять тебя одного в съемной квартире я не могу.

Я до этого крепился. А тут не выдержал.

– Так нечестно! Бросаешь меня на каком-то дурацком острове! Что это за каникулы?

Я знал, что позволяю себе лишнее. Мама у меня подполковник военно-воздушных сил, она водит огромные транспортные самолеты «Боинг С-17». Для нее нет ничего важнее долга и исполнения приказов. Мама подошла ко мне поближе и сказала совсем тихо:

– Я знаю, что тебе туда не хочется. – Глаза ее на миг стали печальными. Потом она расправила плечи и заговорила командирским голосом: – Но сейчас мы обязаны делать все ради твоего папы, забыв о собственных желаниях. Мы не знаем, как сильно он ранен, сколько будет поправляться. Тут не о каникулах речь, Джейк. Каждый должен чем-то пожертвовать. Ради папы.

Я опустил голову – мне стало стыдно. И все равно очень тяжело слышать, что папа твой ранен – а ты не знаешь, насколько сильно и как именно это произошло.

– Тебе совершенно незачем все лето просиживать в госпиталях. А кроме того, – добавила мама и взяла меня за подбородок, чтобы я заглянул ей в глаза, – бабушке без тебя будет совсем плохо. Она тоже переживает за папу.

– Знаю, но... – Я с усилием втянул воздух. – Я очень хочу его видеть.

– Я это знаю. Но не забывай: помогая Хани, ты поможешь и папе. Ему будет спокойнее, если он будет знать, что ты с ней.

Я сморщился и кивнул в знак согласия. Посмотрел маме в глаза, и она даже слегка улыбнулась.

– Вы теперь за главного, рядовой.

Тут она меня поймала. Папа у меня военный, офицер, а меня всегда называл рядовым. Я стащил с головы пилотку, чтобы спрятать глаза.

– Угу. – Только это мне и удалось выдавить сквозь комок в горле.

– Поднимаемся на борт! – окликнул нас капитан парома.

– Пошли! – сказала мама, пытаясь говорить бодрим голосом. Я почувствовал, как она слегка подтолкнула меня в спину.

Мы поднялись по металлическому трапу к ожидавшемуся парому. Помощник капитана поздоровался с нами, закатил тележку с моими вещами на борт – как и багаж всех остальных.

– Как только что-то узнаю, я тебе позвоню, – пообещала мама и нагнулась, чтобы поцеловать меня в шею. – Уверена, что Дьюис тебе понравится. Там столько всего интересного – пляж, лес. Раньше ты прекрасно проводил там время.

– Мам, так мне шесть лет было.

– Ну а теперь почти двенадцать – значит, тебе понравится в два раза больше.

– Ну-ну. Торчать на острове, где запрещено ездить на машинах, где нет ни магазинов, ни ресторанов. Там вообще люди-то живут, кроме Хани?

– Разумеется.

– Ладно, буду хоть играть по интернету в игры с Карлосом и Ником.

Мама явно смутилась.

– Гм... – Она поколебалась. – Вайфая там нет.

– Что? – Я просто не мог себе представить, что где-то на белом свете может не быть вайфая. – То есть ты хочешь сказать, что летом я не только не смогу встречаться с друзьями и вместо этого буду торчать на каком-то там острове с бабушкой, но там еще и интернета нет? – От изумления у меня отвалилась челюсть. – Ты шутишь, что ли?

Мама рассмеялась. После того телефонного звонка я еще не слышал ее смеха.

– Да ладно тебе, Джейк. Ты и не с таким справлялся. Вайфай на острове есть, только не у бабушки в доме. Она считает, что ей интернет ни к чему. – Мама заговорила совсем тихо: – По некоторым вопросам у твоей бабушки очень твердое мнение.

– Или она просто с приветом, – пробормотал я. Казалось бы, хуже уже некуда, а вот поди ж ты.

– Отправляемся! – оповестил капитан, открывая двери для пассажиров. Нужно было двигаться.

– Давай, – сказала мама, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

Я громко выдохнул. Семья у нас военная, мы часто переезжаем. Я не раз оказывался в школе новеньким, заново заводил друзей. И к расставаниям с родителями привык тоже.

Но расставаться от этого было не легче.

– Пока, – сказал я, глядя в пол.

Мама быстро обняла меня на прощание. Я не обнял ее в ответ. Руки безвольно висели вдоль тела.

Мама вернулась на причал. Я посмотрел через плечо – она шагала прочь, сгорбив плечи.
– Мам! – выкрикнул я.

Она остановилась, обернулась, я побежал к ней. Она раскинула руки, я прижался к ней, обнял изо всех сил.

– Мам, я буду скучать, – сказал я, уткнувшись лицом ей в ребра.

Почувствовал, как она сжала меня крепче прежнего.

– И я буду скучать. – Она поцеловала меня в щеку, и я увидел, что в ее глазах, как и в моих, стоят слезы. – Позвоню! – сказала она.

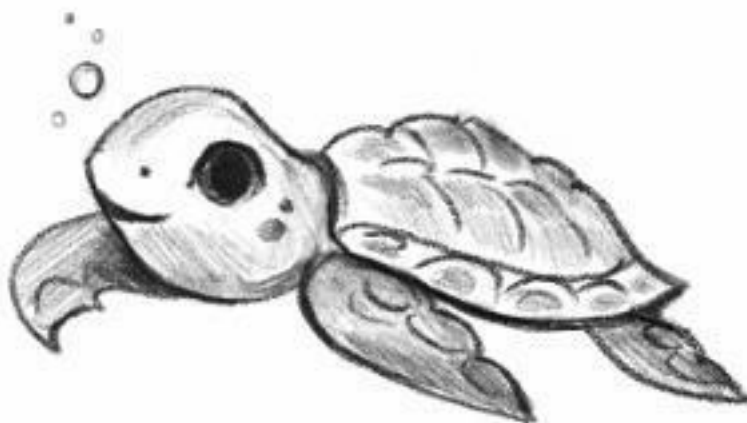
– Я люблю тебя, мамочка! – выкрикнул я и побежал обратно на борт. Капитан жестом пригласил меня внутрь, а потом запер двери.

Почти все металлические скамейки уже были заняты. Я помчался по трапу на верхнюю палубу. В небе сияло жаркое солнце, металлические перила нагрелись – я прижался к ним, чтобы помахать маме на прощание.

Но мама уже скрылась из виду.

Глава 2

Добро пожаловать на остров *Жить как Гекльберри Финн*

Заворчав и пустив по воде пузыри, заработал мощный двигатель парома. Мы с черепашей скоростью поползли по Береговому каналу, мимо Айл-де-Палмс, где перед огромными особняками дожидались большие белые моторные яхты и водные лыжи.

С каждой минутой привычный мир отдалялся все сильнее. Я гадал, чем сейчас занимаются в Нью-Джерси мои друзья – ведь у них первый день каникул. Вытащил телефон, написал эсэмэску: «Привет, народ, как жизнь? Ловите селфи – я на пути на необитаемый остров».

Я поднял глаза от экрана, огляделся. Да уж, это точно не Нью-Джерси. Во все стороны до самого горизонта тянулась голубая водная гладь. У берега покачивалась на ветру ярко-зеленая осока. Я заметил длинную цепочку бурых пеликанов, плотным строем летевших над самым болотом – крылья размахом почти в два метра едва не касались воды. Папа называл их «патрульными бомбардировщиками».

Тут за спиной у меня раздались шаги по металлическому трапу. Я обернулся и увидел, что на последней ступеньке трапа стоит мальчик. С виду мой ровесник, короткостриженный, темнокожий. У меня мелькнула надежда, что на острове будут и другие дети. На ногах у мальчика были синие «Найки», в ушах – золотистые беспроводные наушники. Мне бы родители в жизни не стали покупать такую дорогую обувь. Я пошевелил пальцами в кроссовках – стареньких, серых: я их носил с самого Рождества.

Я перехватил взгляд мальчика и кивнул, но он сделал вид, что меня не видит, – дошел до скамейки в самом дальнем конце и вцепился в перила.

И тут капитан вдруг дал полный газ. Двигатель взревел, и паром так резко рванулся вперед, что кепка слетела у меня с головы. Я бросился ее ловить. Случайно выпустил телефон, он упал на палубу. Застыв от ужаса, я смотрел, как он скользит по металлическому полу и падает за борт, в пляшущие волны с белыми гребешками.

– Не-е-е-ет! – заорал я.

Вцепился в перила, перегнулся вниз, уставился в воду опешив, все еще не понимая, что случилось, – в лицо мне летели соленые брызги. Белый пенный след от парома исчезал в темной голубизне. Оборвалась последняя связь с домом. Я сглотнул и посмотрел на мальчишку. Он крепко держался за ограждение, будто от этого зависела его жизнь. Бросил на меня быстрый взгляд, сочувственно пожал плечами.

Я плюхнулся обратно на скамью, уперся локтями в колени – в руках было непривычно пусто. Следующих пятнадцати минут, пока мы шли по каналу, я совсем не помню.

Только когда гул двигателя превратился в негромкое бормотание, я поднял глаза. Мы подходили к острову. Я увидел плотный зеленый купол из деревьев и кустарников – можно подумать, что остров этот был затерянным миром, окутанным тайной. Вот-вот на берег выскочит динозавр. Я поднялся, снова подошел к перилам и стал смотреть, как паром подходит к длинной деревянной пристани.

Прищурившись – солнце светило ярко, – я увидел бабушку: она стояла под деревянной вывеской с надписью: «ОСТРОВ ДЬЮИС, ЮЖНАЯ КАРОЛИНА, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ». Хани улыбалась и махала обеими руками над головой – как будто она потерпела кораблекрушение, а я приплыл ее спасать.

Наконец паром остановился. Мальчишка в кроссовках «Найки» пулей пронесся мимо меня и затопал вниз по трапу. Я закинул на спину рюкзак и пошел следом за ним, на нижнюю палубу и на пристань – шаги гулко отдавались от досок.

– Джейк! Внучок! – воскликнула Хани и крепко меня обняла. – Котенок мой, да как же ты вырос! Небось уже выше меня стал.

– Вот уж не проблема. Все люди выше тебя, – заметил я.

Мы с Хани не виделись почти целый год. Раньше она приезжала со мной сидеть, когда родители оба были на задании. Она сильно постарела. Кожа, раньше смуглая, стала бледной, морщин на лице сильно прибавилось.

– Ну, пошли домой. Ты небось сильно проголодался – дорога-то длинная. Моя тележка вон там стоит, – добавила она, указывая на длинный ряд электромобилей для гольфа, припаркованных рядом с пристанью. Машин на острове не было, все ездили на гольф-картах, которые тут назывались «тележками».

Капитан парома подтолкнул к нам багажную тележку с моим чемоданом и поздоровался с бабушкой.

– Мисс Хелен, вы, как всегда, прекрасны! Как всякий раз приятно видеть вашу улыбку!

– Ну сегодня у меня есть тому все причины. Внучок приехал. Все лето прогостит, – сказала бабушка. – Идем, Джейк. Отвезу тебя домой.

Я пошел вслед за Хани по деревянному помосту к ее электромобилю. Их там стояло несколько – некоторые красивые, разукрашенные. Были и простенькие, бурые или серые. И была машинка Хани. Выглядела она самой старой из всех и, хуже того, вся облипла песком и грязью. К заднему углу крыши был примотан липкой лентой зеленый флажок с надписью: «Черепаший отряд».

– Садись. – Бабушка надела темные очки.

Я закинул чемодан и рюкзак на заднее сиденье и уселся рядом с бабушкой. Тут загудел двигатель подходившего к причалу катера. Я обернулся и чуть не свалился на землю от удивления. За штурвалом одномоторного катерка стояла девчонка. Примерно моего возраста – и совсем одна!

– Хани, там девочка ведет катер. Сама!

Хани глянула через плечо.

– А, это Лоуви Легар. – Бабушка, похоже, совсем не удивилась.

– Но... как она может управлять катером... сама? Я вон даже электромобиль водить не умею.

Бабушка усмехнулась.

– Если хочешь, я разрешу тебе ездить на тележке по острову. Правда, сперва придется сдать мне экзамен по вождению. А что до катера – можешь и этому научиться!

Рот у меня раскрылся сам собой. Я повернулся и, совершенно обалдев, стал смотреть, как Лоуви привязывает катер и со шноровкой опытного моряка спрыгивает на причал. Вдоль

спины у нее свисала длинная коса, похожая на канат у нее в руках. Когда девочка поглядела в нашу сторону, я тут же отвел взгляд.

Тележка наша пронзительно загудела – Хани стала сдавать назад. А потом остановилась, крутанула руль.

– Лоуви летом чуть не каждый день приезжает из Айл-оф-Палмс к своей тете Сисси, потому что мама ее днем работает. – Бабушка переключила передачу с задней на переднюю. И, прежде чем глянуть на дорогу, попросила меня: – Рот-то закрой, внучок. А то мухи залетят.

Мы рванули вперед, и я, чтобы закрыть рот, улыбнулся от уха до уха.

– А я правда могу за лето научиться водить электромобиль? И даже катер?

– А чего нет-то? – Бабушка выехала с парковки, и очень скоро мы оказались в густой тени леса. Хани смерила меня взглядом. – Ты ж больше не карапуз. Вырос, с электромобилем справишься. И с катером тоже. Но, разумеется, придется пройти инструктаж по технике безопасности.

– С удовольствием, – ответил я и представил, как веду по океану настоящий катер – очень быстро.

Хани свернула направо, на грунтовую дорогу, и прибавила ходу. Мы прыгали по ухабам, ветерок шевелил мне волосы, сушил пот на лбу. В воздухе пахло сладко, будто цветами.

– Посмотри-ка, малыш, вокруг, – сказала Хани, вытягивая руку. – Дьюис – место совершенно особенное. Людей здесь совсем мало. В основном животные, птицы, деревья – всякая дикая природа. – Она улыбнулась. – И весь остров в твоём распоряжении, исследуй – не хочу.

– Правда?

– Ага, – сказала Хани, повернула голову и подмигнула. – Будешь жить как Гекльберри Финн на острове.

И тут я вдруг почувствовал, что сквозь серую пелену этого противного страшного дня пробилась первая искорка радости. Может, это лето и не станет худшим в моей жизни.

Асфальтированных дорог на острове нет, только проселки, засыпанные ракушками и гравием, все в буграх и ухабах. Над нами смыкались высокие деревья, образуя настоящий туннель. Мне казалось, что я в джунглях. Справа все заслоняли стволы и кустарник, иногда вдалеке мелькал домик, стоящий в стороне от дороги. Слева поблескивала вода лагуны, окруженной стеблями осоки, над лагуной тоже нависали деревья, похожие на длинные костлявые пальцы.

Повсюду, куда ни погляди, были птицы. Маленькие порхали с дерева на дерево, большие стояли на кочках, а в лагуне бродило по мелководью еще несколько, крупных и розовых. Похожих на фламинго. Да, это вам точно не Нью-Джерси.

– Это какие птицы?

Хани повернула голову, но мы уже проехали мимо лагуны. Она указала на круглое деревянное здание на высоких сваях.

– Это Природоохранный центр, – сказала Хани. – Забыл, что ли?

– Да.

– Мы там были, но довольно давно. Там тебе расскажут про всех здешних птиц. И про животных тоже. Можно получить любую информацию. Тебе когда-то там очень нравилось.

– Это было давно, – заметил я.

Некоторое время Хани молчала за рулем.

– Да, верно, – сказала она наконец. – Знаешь, Джейк, я хотела, чтобы ты приезжал сюда каждое лето. Много раз просила твоих родителей. Но у них вон какая работа, а у тебя то школа, то спортивные секции – трудно выкроить время, чтобы ты пожил у меня. Обидно, потому что раньше тебе здесь очень нравилось. – Она тяжело вздохнула. – Как и твоему папе.

Я сглотнул комок.

– Да.

– Ну да ладно, вот ты и приехал. Верно? – Она пыталась говорить бодро и даже повернула голову, чтобы мне улыбнуться.

Электромобиль Хани водила так, что приходилось хвататься за все, что подвернется, – иначе не уцелеешь. Когда мы с размаха влетели в глубокую лужу, одной рукой я вцепился в раму для лобового стекла, а другой – в спинку сиденья.

– Упс, не заметила, – сказала Хани и хихикнула. Ее короткие седые курчавые волосы раздувал ветер. Седины в них было куда больше, чем мне запомнилось.

Я так и не разобрался, видит Хани лужи или нет, потому что хотя некоторые она и объезжала, но в основном плюхала напрямик. Я даже не знал, смеяться мне или пугаться.

– А что будет, если тележка перевернется? – спросил я.

– Хороший вопрос. И как бы ты в этом случае поступил? – спросила Хани.

– Ну... помолился бы?

– Не-а. Первое островное правило: начал падать с электромобиля – не сопротивляйся.

– В смысле просто падать?

– Ага.

– А мы перевернемся?

– Специально – нет. А случайно всяко бывает.

Я крепче вцепился в тележку, мы поехали дальше. Внезапно Хани затормозила. Меня швырнуло вперед.

Хани указала на лагуну – она была довольно далеко.

– Вон в той бухточке любит прохладиться Большой Ал. И вот тебе второе островное правило: не мешать Большому Алу.

– А кто такой Большой Ал?

– Самый крупный и противный аллигатор на острове. Аллигаторов у нас тут несколько, но Ал – самый крупный самец. Его ни с кем не перепутаешь. – Она указала на помост, плававший посреди бухточки. – Вон его любимое место. А ты знаешь, что, когда аллигатор греется на солнце, он на самом деле переваривает пищу?

Я покачал головой – страшновато все-таки жить на острове, где полно аллигаторов.

– Если поедешь куда на электромобиле и увидишь, что Большой Ал лежит на дороге и греется на солнце, дай задний ход и найди объезд. Большому Алу мешать нельзя.

Ответить я не успел – Хани постучала по рулю и спросила:

– Ну как, будешь учиться?

Я все пытался представить себе, каких размеров этот Большой Ал и где он прячется, – но бабушкин вопрос тут же вышиб эти мысли у меня из головы.

– Учиться водить? Прямо сейчас?

– Конечно. Ты обязательно должен научиться водить электромобиль. Иначе как ты будешь помогать мне по хозяйству? Готов?

– Конечно. – Я просто не верил собственному счастью.

Хани встала с водительского места, похлопала ладонью по сиденью:

– Ну так садись.

Я уже примерно понял, что Хани слов на ветер не бросает. Сказано – сделано. Я перебрался на водительское сиденье, положил руки на руль. Вот здорово – меня сейчас научат водить!

– Первое, что нужно запомнить: это не игрушка, – учительским голосом начала Хани. – Это мощная техника, которая заслуживает уважения. Соблюдай правила – и будешь цел. А начнешь делать глупости, как какой-нибудь идиот-гонщик, – не только сам цел не будешь... – Она пристально глянула мне в глаза. – Но еще и я все узнаю прежде, чем ты поставишь машину на место у меня на заднем дворе. После чего ты лишишься водительских прав. Усек?

– Так точно.

– Вот и хорошо. – Она показала мне педали газа, тормоза, ручку переключения переднего и заднего хода.

– Да вроде все просто.

Хани хихикнула.

– Ну тогда поехали.

– Что, прямо сейчас?

– Ну не завтра же.

Я сдвинулся к краю сиденья, поставил ногу на педаль газа. Подумал: это, наверное, похоже на картинг. А на картинге мы с Карлосом и Ником были не раз. Я изо всех сил нажал на педаль. Машина рванулась с места. Я испугался, поднял ногу. Мы резко остановились.

Не слишком удачно вышло. Я смутился, Хани же только рассмеялась.

– Для первого раза нормально. Главное, Джейк, не торопись. Нужно все делать медленно, аккуратно. Как и в жизни, верно?

Я вдохнул поглубже. «Медленно, аккуратно», – повторил я про себя. Осторожно нажал на педаль. На сей раз мы плавно двинулись с места. Я крепко сжал руль руками. Я сам веду машину!

– Водить электромобиль – все равно что ехать на велосипеде, – продолжала Хани. – Нужно подобрать подходящую скорость и держать равновесие.

Хани указывала мне, как ехать по ухабистой дороге. Двигались мы медленно, но она меня не ругала. Мимо промчался другой электромобиль, поднял облако пыли. Я оглянулся – какая-то женщина махала нам рукой. На ней было свободное платье, окрашенное в цвета радуги, крупные украшения тех же цветов. С виду – ну прямо настоящая королева острова.

Когда они нас обогнали, я заметил, что на заднем сиденье сидит тот мальчишка с парома. Он не помахал мне, не улыбнулся, только выпучил глаза и раскрыл рот, увидев, что я сам за рулем.

Я уселся попрямее и сделал вид, что не заметил его. Мы их нагнали, когда они сбросили скорость, чтобы свернуть на узкую дорожку к дому.

Хани приветственно помахала рукой.

– Надо думать, это Симмонсы. Недавно переехали, живут напротив нас. Нужно будет им отнести пирог, поздравить с новосельем.

Возле подъезда к дому я увидел деревянную табличку с надписью: «ТЕССА И РЕДЖИНАЛЬД СИММОНС, АТЛАНТА, ДЖОРДЖИЯ».

– Все здешние владельцы домов пишут на вывеске, откуда они родом, – пояснила Хани. – Большинство из них часть года живут на острове, а часть – где-то еще. Постоянных жителей мало.

– Таких, как ты.

– Таких, как я, – подтвердила Хани.

Мы проехали чуть подальше, а потом Хани сказала мне сбросить скорость и свернуть на совсем узкую дорожку, отмеченную табличкой «ПОТТЕРЫ, ОСТРОВ ДЬЮИС, ЮЖНАЯ КАРОЛИНА». Перед табличкой выросли сорняки.

На этой дорожке колея была еще глубже, ветки и выющиеся растения разрослись еще сильнее – они царапали борта тележки. По днищу скребли стебли густой высокой травы.

– Прямо как на автомойке, – сказал я, пригибаясь, чтобы не получить по лбу тонкой веткой с большими листьями.

– Да уж. Боюсь, я тут все немножко запустила, – созналась Хани. – Все собиралась прийти сюда с секатором.

«Уж лучше с мачете», – подумал я.

Тон ее голоса изменился. Но я не видел ее лица. Я слишком сосредоточился на том, чтобы продираться сквозь плющ и сорняки. В конце петливой дорожки стояла, возвышаясь над кронами, странная постройка – мне она показалась гигантским домом на дереве.

– Добро пожаловать, вот мы и дома, – сказала мне Хани.

Я с облегчением остановил тележку. Вдохнул. Дом? Нет, это не мой дом. Ну или, по крайней мере, не настоящий. С другой стороны... а где теперь мой дом?

Мне вдруг показалось, что до мамы с папой не меньше миллиона миль.

Глава 3

Дом среди деревьев

Приключения начинаются с книг

Я поставил тележку на свободном месте под домом – оно напоминало гараж, только без стен. Бетонный пол скрылся под смесью грязи, песка и сухих листьев. С потолка свисала паутина. У столбов стояли грабли, лопаты и пляжные шезлонги.

Все дома на острове приподняты над землей – построены на деревянных или бетонных сваях на случай наводнения. Чтобы попасть внутрь, нужно долго подниматься по лестнице. Здесь лестничных пролета было два. Хани пошла первой и поднималась так медленно, что мне приходилось останавливаться – а я нес чемодан и рюкзак, которые с каждой минутой делались все тяжелее. В какой-то момент бабушка и вовсе остановилась – «полюбоваться видом», как она сказала, – а на деле отдышаться.

И вот мы добрались доверху. Входная дверь была выкрашена в яркий цвет морской волны, тут же висел звонок в форме черепахи. По обеим сторонам от двери стояли цветочные горшки, из них торчали мертвые побуревшие растения, рядом пробивались зеленые сорняки.

– Дом, милый дом, – произнесла Хани и распахнула дверь.

Вслед за бабушкой я вошел в полутемную комнату. В нос мне ударил запах сырости, пыли и чего-то несвежего – наверное, подгнивших фруктов. В последний раз я приезжал сюда в шесть лет, но ничего не помнил. Насколько мне удалось разглядеть, повсюду было дерево, от пола до потолка. Большие окна выходили на окружавший нас лес.

– Я это место называю своим «Птичьим Гнездом». Ты его не помнишь? – спросила Хани.

– Угу, – ответил я и тут же подумал, что название самое подходящее. Ты действительно будто в гнезде на дереве. Я сбросил рюкзак на пол и, вытянув шею, стал оглядываться. Хани включила свет.

Повсюду книги. На столах, на каминной полке – во всех мыслимых местах, даже высятся башнями на полу. Надо сказать, я люблю книги. В прошлом году получил в школе приз, потому что за лето прочитал больше всех. Но столько книг, да еще и повсюду, это обалдеть можно. Кстати, не только книг. Под столами – журналы, сложенные в стопки по двадцать штук.

Я сморщил нос, стараясь не расчихаться. Книги, журналы – все покрыто пылью. На столе повсюду грязные кофейные чашки и смятые бумажные салфетки. Какая-то заброшенная библиотека, а не дом. Куда мне присесть? И где тут едят?

Хани, видимо, заметила мое недоумение. Быстро подошла к окнам.

– Нужно тут сделать уборку. Я ведь тебя не ждала. Но очень рада, – поспешно добавила она. Я видел, что ей немного неловко. – Сейчас окна открою, – сказала она и действительно принялась их открывать. В комнату ворвался ветер с океана, летнее тепло, запах соленой воды. – Ну вот, – сказала Хани и сжала руки. Озабоченно сморщив лоб, она обводила дом неуверенным взглядом. – Тебе, наверное, интересно, где ты будешь спать?

– Так точно, – ответил я.

Ее водянисто-голубые глаза скользнули к потолку, туда же она указала пальцем:

– Вон там.

Я тоже посмотрел вверх. Потолок был очень высокий, на два этажа. Я заметил у стены широкую деревянную лестницу, которая вела на огороженный помост.

– Вон там? – переспросил я недоверчиво.

– Это же лофт! – пояснила бабушка. – Ты что, не помнишь? Пошли, малыш. Тебе понравится. – Она подвела меня к лестнице. – Ну, чего ждешь?

Я взялся за перила и поспешил вверх – было очень любопытно. Сверху, через деревянное ограждение, было прекрасно видно весь первый этаж. Там, наверху, оказалось хоть и тесновато, но уютно: такая крепость. И полное уединение, хотя и без стены. Очень здорово!

– Это даже лучше, чем комната, – сказал я, подходя к огромному круглому окну над кроватью – настоящее окно в мир. Оно занимало почти всю стену, и я сразу вспомнил, что такое же окно я представлял себе в доме из книги, которую мне дал почитать папа, – она называлась «Хайди». Только в книге Хайди отправили пожить в горах с бабушкой. А меня – пожить на острове с бабушкой.

Вид за окном совсем не походил на квадратный дворик без единого дерева перед нашим домом в Нью-Джерси. Ни одного дома. Только толстые ветки деревьев, переплетения плюща, а совсем далеко – синеватые проблески океана.

Я услышал, что Хани поднимается следом.

– Господи, твоя воля, стара я уже сюда лазать. – Она прижала руку к груди. – Нужно постоять, отдышаться. – Она обвела комнату взглядом, и тут ее лицо смягчилось, на нем заиграла улыбка. – Знаешь, кто здесь жил раньше?

Я посмотрел на двуспальную деревянную кровать, накрытую синим покрывалом в золотых звездах. Рядом стояла деревянная тумбочка, на ней – лампа в форме якоря. На другом конце комнаты – выкрашенный в синее комод. Все стены скрывали полки. Я подошел посмотреть, что там. Забиты до отказа. На двух полках – куча детских книг. Их, похоже, много читали. А еще тут были зубы акулы, череп какого-то мелкого животного, коллекция камушков. Рядом с несколькими полинявшими оловянными солдатиками лежал панцирь черепахи. Я вытянул руку – дотронуться до оленьих рогов, но рука замерла, когда я заметил несколько фотографий в рамках. Я взял одну из них.

Мальчик примерно моих лет с кудрявыми каштановыми волосами висел, уцепившись за огромную ветку. Рядом с ним стоял второй, рыжеволосый, примерно того же возраста. Я потянулся ко второй фотографии. На этой темноволосого мальчика сфотографировали на пляже, он держал подтаявшее мороженое. При этом он обнимал за плечи Хани – только Хани была гораздо моложе. Я понял, что это за мальчик.

Посмотрел на бабушку – она вглядывалась в меня.

– Так это папина комната?

Рот Хани искривился в улыбке, она кивнула. Но в глазах стояли слезы.

– Я тебя как здесь увидела... ну ты прямо один в один твой папа в твоём возрасте. Такие же карие глаза. Такие же лохмы. Даже осанка та же.

У меня аж дух захватило – так я был горд этим сравнением.

– Эрик проводил здесь много времени. – Бабушка указала на книжную полку. – Все эти книги перечитал. Ты же знаешь, что приключения начинаются с книг. А твой папа очень любил приключения. – Она улыбнулась, что-то вспомнив. – Любил больше всего на свете.

Хани подошла к кровати, расправила складки на покрывале. Я обратил внимание на то, что в этой комнате безупречная чистота. Подумал: видимо, бабушка рада моему приезду.

– Я здесь редко бываю, – продолжала она. – Подниматься трудно. И потом, здесь я всегда сильнее переживаю за твоего папу. – Она повернулась ко мне, внимательно взгляделась в лицо. – А ты-то как с тех пор, как узнал новости?

Хотелось сказать правду: «Просто ужасно. Каждую ночь снятся кошмары. И я просто не могу видеть, как мама мучается». По счастью, говорить не пришлось – у двери прозвенел звонок.

– Джейк, сделай одолжение, открой. Я по этой лестнице спускаюсь как черепаха. Наверное, опять кто-то из соседей пришел проверить, как я тут.

Я помчался вниз, к дверям, открыл – и замер на месте, потому что оказался лицом к лицу с той девчонкой, которая управляла катером. Я узнал ее длинную светлую косу.

Она протянула мне правую руку и сказала:

– Привет! Я Лоуви Легар. А ты, наверное, Джейк. Хани часто про тебя рассказывает. Если только не заведет речь про животных и... ой! – Улыбка ее угасла. – Мне жаль, что с твоим папой такое случилось. Будем надеяться, что все обойдется.

Лоуви так тараторила, что и слова было не вставить – да оно и к лучшему, потому что я не знал что сказать. Просто пожал ей руку.

Сзади подошла Хани.

– Джейк, кто тебя воспитывал? Пригласи девочку в дом и закрой дверь, а то комары налетят.

– А, прости, – сказал я и тут же выпустил руку Лоуви.

Лоуви вошла в комнату и левой рукой протянула бабушке плетеную корзину.

– Вот, Хани, мы с мамой специально для вас выбрали на рынке.

Меня удивило, что Лоуви называет бабушку Хани. Лоуви показала, что лежит в корзине.

– Тут свежий хлеб, помидоры, фермерские яйца. А цветов я сама нарвала по дороге.

– Батюшки, настоящее сокровище. Спасибо, лапушка. И маму поблагодари. Второй ценный подарок за один день. – Бабушка улыбнулась мне.

– Не за что, – ответила Лоуви. – Вот только мама сказала, чтобы корзинку из зубровки я привезла обратно. Забуду – она меня убьет.

– Я знаю, что эти корзинки – наш традиционный промысел. Скажи маме: я очень ценю, что она послала мне гостинцы именно в ней. – Хани повернулась ко мне. – Смотрю, ты уже познакомилась с моим внуком Джейком. Вы, кажется, сверстники. Ему одиннадцать, пойдет в шестой класс. Так ведь?

– Ага, – сказал я, слегка смутившись.

– Я тоже в этом году пойду в среднюю школу, – сообщила мне Лоуви.

Я улыбнулся. Похоже, она пытается со мной подружиться.

– Правда, замечательное совпадение? Сдается мне, вы быстро подружитесь. – Хани разгрузила корзинку и вернула ее Лоуви. – Ты ведь не откажешься показать Джейку, что тут у нас и где? А то у него здесь никаких знакомых.

– Я с удовольствием. Только сначала мне нужно зайти к тете Сисси. – Лоуви повернулась ко мне с дружелюбной улыбкой. Глаза у нее были ярко-голубые, нос – слегка веснушчатый. – Увидимся, Джейк.

Я помахал. Лоуви говорила так, что и слова не вставишь.

– Такая славная девчушка, – сказала Хани и принялась убирать продукты по местам.

Я повернулся к бабушке.

– Странное какое имя – Лоуви.

– Это скорее прозвище. На самом деле она Оливия. Названа в честь одной славной женщины, которая умерла уже довольно давно. Девочку с младенчества звали Малышкой Лоуви. Ну а теперь она уже не малышка – просто Лоуви.

Оливия... Лоуви. Не в имени дело, мне очень хотелось, чтобы она показала мне свой катер.

Глава 4

Тропическая депрессия

Натуралист вглядывается и вслушивается

Я попал на остров в солнечную погоду, но потом надолго зарядил дождь. Казалось, что в небе кто-то выплескивает ведра. Снаружи свистел ветер, оконные стекла дребезжали. Глинистый подъезд к дому Хани превратился в мутный ручей. Похоже, дом наш стал отдельным островом.

Хани сказала, что летние бури называются «тропическими депрессиями». Оно и правда депрессивно – сидеть взаперти без компьютера, видеоигр и мобильного телефона. Позавтракав куском хлеба с вареньем (того самого хлеба, который принесла Лоуви), я принялся шататься по дому, листать книги, рассматривать фотографии в рамках, расставленные по столам, картины с изображением морских черепах на стенах. Даже попытался включить телевизор.

Судя по всему, возрастом он был старше меня, из него торчала длинная металлическая антенна, которую называют «кроличьи уши». Повозившись, я наконец-то поймал местный канал новостей, а потом и еще один – но там трансляция постоянно прерывалась из-за дождя. Смотреть было совершенно невозможно, и я телевизор выключил.

Хани тоже здорово куксилась. Она навела порядок на столе, вымыла посуду, подмела пол. Стало немного почище. Но я видел, что она это делает через силу.

– Хани, сыграем в карты?

Она повернулась ко мне с усталой улыбкой.

– Не сегодня, Джейк. Может, завтра, ладно?

Хани взяла книгу со стола, подошла к выцветшей синей кушетке в углу гостиной. Рядом стоял стол, на нем – лампа с абажуром в форме панциря черепахи. Дождь стучал по крыше, Хани то сидела на кушетке и читала, то уходила прилечь в свою комнату. Похоже, настроение у нее было таким же переменчивым, как и погода. Сейчас бодрая, через минуту погрузнеет.

Мало того что приходилось сидеть и бездельничать, я еще переживал за папу... очень сильно. Именно потому и было мне тяжело ждать: я ничего не знал про его состояние.

Я стал гадать, можно ли умереть от скуки. Чтобы время тянулось не так медленно, я торчал у себя в лофте. Там, среди папиных вещей, я чувствовал себя ближе к нему. Рассматривал его коллекцию ракушек. Они были разложены в витрине, каждая снабжена ярлычком: глоссус, трубач, камнеточец, аргонавт, олива. Тут же стояла стеклянная банка с морской травой и еще одна – с зубами акулы. Был даже панцирь крупного мечехвоста. Круглый, похожий на старин-

ную армейскую каску. Осмотрел я и папину коллекцию камней – осторожно, чтобы не ободрать чешуйки слюды. Поиграл в его солдатиков, но надолго меня не хватило.

К середине дня я занялся книжной полкой. Она была забита до отказа. Папа и теперь читал постоянно – газету, книгу, журнал, даже надписи на коробке с кукурузными хлопьями. Держал книги у кровати, в машине, скачивал на телефон. В походы – и то брал книгу. Видимо, в этом он пошел в свою маму.

Я и сам любил книги, но куда сильнее – видеоигры. Присев на корточки, чтобы рассмотреть названия книг, я вспомнил, как часто папа читал мне перед сном, когда я был маленьким. Так у нас с ним было заведено – каждый вечер, когда он не на службе. Читал он мне даже после того, как я научился сам читать длинные тексты. Мы садились рядышком на мою кровать, вытягивали ноги, подкладывали подушки под спины. Иногда голос его меня убаюкивал. Вспомнив все это, я закрыл глаза – так захотелось вернуться в то время, когда мы были вместе... и все шло хорошо.

Я пересмотрел все книги и журналы на полке и подумал: «Неужели папа все это прочитал?» Палец скользил вдоль корешков: «Топор», «Зов предков», «Где растет красный папоротник», «Швейцарский Робинзон», «Излом времени». Папе, видимо, очень нравился Роальд Даль, потому что его книг на полке оказалось много. Были тут и нехудожественные книги – в основном про животных и про жизнь в дикой природе. Мне бросился в глаза «Справочник по выживанию» для американских военных. Он был засунут между несколькими путеводителями по пляжам Каролины, определителями окаменелостей и схемами ночного неба.

Я снял с полки книгу «Моя сторона горы», прочитал аннотацию на задней стороне обложки. Книга про мальчика, который сам научился выживать в дикой природе. Я подумал, что у нас с ним много общего, и решил начать с этой книги.

За окном ревели бури, деревья качались как сумасшедшие. Я включил настольную лампу, лег на кровать под круглым окном, обложился подушками и открыл первую страницу.

Не знаю, сколько прошло времени, но, когда я случайно поднял глаза, снаружи было темно. Причем отвлек меня не шум ветра, а его отсутствие. Я выглянул в большое окно и увидел, что буря закончилась. В темноте и тумане вставала луна.

Который час? У меня заурчало в животе. Я вылез из кровати, перевесился через перила. Отсюда мне было видно гостиную, кухню, коридорчик, который вел в спальню Хани, – а сама Хани куда-то подевалась. Ничего себе – бабушка не только не приготовила ужин, но и не крикнула мне, что идет спать. Я провел на острове совсем немного времени, а уже понял, что Хани не очень-то любит готовить, наводить чистоту и ходить за продуктами. Но я-то еще ребенок. И хочу есть.

Я спустился вниз и стал рыться на кухне. В шкафах не нашлось почти ничего съедобного. Тогда я открыл холодильник. Набит до отказа! Я вытащил пластмассовый контейнер, снял крышку! Фу! Меня чуть не вырвало – бывший томатный соус весь зарос плесенью. Я поставил контейнер на место, взял другой. На сей раз открывал его аккуратно. На вид – салат с макаронами, но, понюхав, я чуть не бросил его на пол.

Я открывал контейнеры один за другим, проверял, чем пахнет. Когда закончил, меня подташнивало. Все оказалось непривычным, да и несъедобным. Хоть бы замороженную пиццу, что ли!

В животе опять заурчало. Ясно, видимо, я тут умру не от скуки. А от голода!

Тут я вспомнил про хлеб, который принесла Лоуви. Еще оставалось полкаравая. Я отрезал себе большой кусок, обернул бумажной салфеткой. Молоко выглядело подозрительно, и я налил себе воды из фильтра в высокий стакан. С этой своей добычей забрался назад в лофт. Залез в кровать, погасил лампу и стал жевать хлеб, одновременно глядя через окно, как по лунному небу несутся низкие облака.

Подумал о папе – как он лежит в больничной кровати. Нас разделяли сотни миль, но мы лежали под одной луной, одними звездами. Я гадал, видит ли папа ночное небо. Хочется ли ему есть. Больно ли ему. Думает ли он про меня.

И не стыжусь признаться: в тот вечер я помолился.

– Завтракать! – долетел снизу громкий голос Хани.

«Мамочки, – подумал я. – Если и может быть что-то хуже тропической депрессии, так это еда от Хани».

Я вылез из кровати, спустился на первый этаж, плюхнулся на деревянную табуретку рядом с кухонным уголком, смахнул крошки, прежде чем поставить локти на стол.

– Доброе утро, Джейк, – сказала Хани.

Она была еще в пижаме и шлепанцах, как и я. Мама с папой всегда заставляли меня умыться и одеться, прежде чем сесть завтракать. «Порядок есть порядок», – любила говорить мама. Родители – люди военные, они не разгуливают по дому в пижамах.

Хани стояла перед холодильником, а я не мог понять, как она разберется, что у нее лежит в этих контейнерах.

– Я, похоже, вчера рано заснула и забыла про ужин. Ты уж прости, – сказала Хани. – Когда живешь одна, такое позволительно, но теперь я ведь должна и про тебя думать тоже, верно? Растущему организму необходимо питание. – Она подала мне упаковку апельсинового сока. – Что-то я вчера расклеилась.

– Заболела? – спросил я, наливая сока в стакан.

– Да вчера погода была неважная. А сегодня вон солнце светит, да? – добавила она гораздо бодрее. – Я делаю омлет. Будешь?

Я посмотрел в миску и увидел, что омлет она делает из свежих яиц, которые принесла Лоуви.

– С удовольствием. И можно мне еще кусочек хлеба, который принесла Лоуви?

– Бери, конечно, – сказала она, выливая взбитые яйца на горячую сковороду. – Хорошо у нас этот каравай пошел.

Я не ответил, просто отрезал два ломтя хлеба и положил в тостер. Я смотрел, как Хани открывает маленький контейнер из холодильника, принохивается.

– Пахнет, кажется, ветчиной. – Она протянула контейнер мне. – Хочешь?

– Нет, спасибо, – торопливо ответил я. Это я точно есть не буду.

Холодильник напоминал машину времени. Да и вообще, насколько я видел, почти все в кухне уже испортилось, плохо пахло или напоминало мумию, с которой сняли обертки.

– Молока будешь? – спросила Хани, вытаскивая пакет.

– Э-э... Хани, у него срок годности закончился.

Хани махнула рукой:

– Ты что, не знаешь, что срок годности всегда ориентировочный? Это молоко еще долго проживет.

«Как и бактерии в нем», – подумал я, скривившись.

– Нет, спасибо. Мне апельсиновый сок нравится.

– Омлет готов, – заявила Хани, подталкивая ко мне тарелку. – Хочешь, еще сыра сверху натру?

Я вспомнил, как она срезала зелень с куска сыра.

– Нет, я лучше так.

Она подала мне тарелку, и я принялся уписывать омлет. Закончив, увидел на столе листок бумаги с моим именем. Пододвинул его к себе.

– А это что?

– Список твоих поручений по хозяйству, – сказала Хани. – Придется тебе мне помогать, пока ты здесь.

Поручений? А я думал, что приехал к бабушке отдыхать!

– Первым делом сходи за водой для питья, – сказала она.

– К колодцу? – догадался я.

– Не совсем, – ответила она, усмехнувшись. Взяла свою чашку с кофе, прислонилась к столешнице. – Джейк, – начала она, и я понял по голосу, что речь будет длинная. – Мы тут, на острове, живем очень экологичной жизнью. – Она увидела, как я сморщил нос, и покачала головой. – Ты знаешь, что это означает. Мы заботимся о природе и пытаемся *дружить* с ней, а не повелевать ею. Благо острова для нас важнее всего. Острова, не людей. Мы защищаем его всеми силами. Вот почему здесь нет ни машин, ни полей для гольфа. Мы никогда не пользуемся пестицидами. Если идем на рыбалку, ловим ровно столько, сколько можем съесть за один раз. Природа тут живет вольготно, как того и хотел наш Господь. Разумеется, мы перерабатываем мусор. Пытаемся не пользоваться одноразовыми мешками и контейнерами. Знаешь эти пластиковые бутылки, которые люди покупают целыми упаковками? Они загрязняют планету. На острове они запрещены.

Хани отхлебнула кофе и продолжила:

– А теперь о твоих обязанностях. Ты будешь отвозить мусор на переработку. Будешь приносить воду для питья. Вода в кране совершенно безвредная, – добавила она, – но у нас тут очень хитрая система фильтрации. И отфильтрованная вода такая вкусная! – Она указала на большой пустой кувшин на полу. – Воду я держу здесь. Твоя задача – наполнять его в Природоохранном центре по мере необходимости. А по дороге будешь проверять почтовый ящик и забирать с причала мою газету. Собственно, все эти места в одной части леса.

Я посмотрел на список и скорчил рожу, однако вслух ничего не сказал.

– Разумеется, будешь ездить на тележке для гольфа, – добавила бабушка.

Я тут же поднял голову.

– На тележке?

Хани улыбнулась.

– Ключи я оставила в зажигании.

– А можно сразу после завтрака? – Очень хотелось выбраться из дома.

– В тележке лежит карта острова. Дорога, по сути, одна, по большому кругу. Потеряться почти невозможно. Так что ничего сложного.

Я слез с табуретки – хотелось поскорее одеться и взяться за дело.

– Еще одна вещь, – сказала Хани, подзывая меня поближе. – Вернее, задание. Домашнее, на лето.

Так, рано я обрадовался.

– Какое еще домашнее задание? – спросил я подозрительно.

– Интересное. Когда твой папа был маленьким, он, как доделает хозяйственные дела, сразу за дверь и гулял до темноты. Только поесть приходил. И всегда носил с собой вот это.

Хани погладила переплет коричневой записной книжки, потом положила ее на стол. Я нагнулся, чтобы получше разглядеть. Переплет, похоже, кожаный, потертый, размякший от времени. Рядом с желтым цветком на нем было детской рукой написано: «ЭРИК ПОТТЕР».

Я ласково погладил пальцем папино имя.

– Что это?

– Его детский дневник. Ай! В смысле – журнал наблюдений. – Хани усмехнулась. – Твой папа страшно злился, когда я называла это дневником. – Тут она вдруг протянула книжечку мне: – Теперь он твой.

Она отвернулась и принялась складывать тарелки в раковину.

Я взял записную книжку в руки. Кожа такая старая, что на ощупь напоминает масло.

– Твой папа разведал на острове каждый уголок. Записывал все, что делал, зарисовывал, что видел. Он был настоящим юным натуралистом. Думаю, это стало хорошей подготовкой к службе в армии.

Хани открыла ящик стола, вытащила разлинованную тетрадку вроде тех, какими пользуются в школе.

– Вот, это тебе. Не такая красивая, как у папы, но сойдет. Записывай все, что с тобой произойдет на острове.

Я нерешительно взял тетрадку в руки.

– Типа чего?

Хани пожала плечами.

– Натуралист вглядывается и вслушивается. Смотри: если выйти на улицу и шуметь, вся мелкая живность разбежится. А если ходить тихо, проявлять уважение или даже посидеть некоторое время на одном месте, тебе может повезти – и какая-нибудь зверушка вылезет из своего укрытия. Мимо пролетит бабочка. Птица сядет на соседнее дерево. Записывай все, что увидишь и услышишь. Что именно – твое дело. Никто не станет читать твои записи. В смысле, если ты не захочешь. Эта тетрадь твоя.

– А рисовать тоже можно?

– Конечно. Что хочешь, то и делай. Для меня главное – чтобы ты исследовал мир природы. Меня просто бесит, как нынешние дети всю жизнь сидят взаперти, копаются в мобильных телефонах и играют в видеоигры. Ты не представляешь, Джейк, сколько здесь тайн и приключений! – Она ткнула указательным пальцем в сторону двери. – Ну, вперед. А то световой день закончится!

Глава 5

Кошки-мышки

Храбрость – умение действовать перед лицом страха

Карта острова? Есть.

Ключ в зажигании? Вот он.

Включить заднюю передачу? Сделано!

Я крепко взялся за руль, вдохнул поглубже и медленно выехал со стоянки под домом Хани. Посмотрел вверх и понял, почему бабушка называет свой дом «Птичьим Гнездом». Отсюда видно большое круглое окно в моей комнате.

Остров был совсем не похож на военную базу. На базе – обнесенные изгородью дворики и ни одного высокого дерева. А здесь – настоящие джунгли из высоких сосен, карликовых пальм и древних дубов.

Подъезд к дому Хани был усыпан сломанными ветками, кучками сосновых иголок, шишками, листьями, сброшенными ветром. Выехать не получится.

– Ну и каникулы, – пробурчал я и пошел искать грабли. Добрых полчаса я расчищал подъездную дорожку, больше похожую на минное поле, от всего этого мусора. Зато, когда закончил, без всякого труда выбрался на основную дорогу. Я много раз останавливался и трогался снова, привыкая к педалям газа и тормоза.

Оказаться в одиночестве на узкой размытой проселочной дороге было и интересно, и страшно. С обеих сторон стеною стоял густой лес, темный и загадочный. Если со мной здесь что-то случится, кто-то хоть забеспокоится? Тут вдруг между деревьями что-то мелькнуло. Я остановился. Совсем рядом с дорогой стояла олениха, а рядом с ней олененок, весь в белых пятнах, – сквозь ветки его почти не было видно. Олениха поймала мой взгляд. Я затаил дыхание. Она стояла так близко, что я видел, как движутся мускулы у нее на шее. А потом она одним прыжком скрылась в лесу – олененок скакнул следом на своих тоненьких ножках. Мелькнули, удаляясь, два белых хвостика.

Я сделал себе мысленную заметку: «Записать это в тетради».

Нужно двигаться дальше. Я нажал на педаль газа, но электромобильчик почти не разогнался. Более того, ехал все медленнее, хотя я вдавил педаль в самый пол. Потом и вовсе остановился.

Сердце заколотилось. И что теперь? Хани мне не рассказывала, что делать, если электро-мобиль сломается. Может, дотолкать его до дома? Я покачал головой. Сил не хватит. А поблизости – никого, да и никакого жилья не видно. Я вздохнул. Придется идти пешком.

Теперь остров казался мне даже больше и опаснее прежнего. Над головой возвышались деревья, и я сам казался себе таким маленьким... и таким одиноким. Теперь уже не нужно было себе воображать, что я участвую в экспедиции в джунгли. Я участвовал в ней на самом деле! Чувства обострились. Глазами я постоянно обшаривал лес, ловил ушами каждый скрип, всплеск, треск.

Лес так и кишел звуками. На земле, усыпанной сосновыми ветками, квакали свои гор-танные песни невидимые лягушки. На верхних ветках перекликались птицы. Я узнал резкий посвист красного кардинала и протяжную песню пересмешника.

За поворотом я увидел деревянные качели, стоявшие у какого-то прудика. Мне стало интересно, и я пошел по длинной траве посмотреть. В ушах жужжали мошки, постоянно кусались комары. Я их отгонял, но они не отставали.

На заметку: не забыть спрей от комаров.

Деревья расступились, и я увидел тот самый прудик. Вода в нем была цвета чая. На ее поверхности плясали солнечные блики, между ними отражались пушистые белые облака. Над прудом нависал толстый сук старого кривого дерева. Тонкие веточки, похожие на длинные пальцы, скрывались в темной воде. А на дереве расселось штук десять белых птиц – я в жизни не видел таких огромных.

Некоторые ростом были с трехлетнего ребенка! И выглядели очень странно. Головы без перьев, только толстая морщинистая кожа, прямо как у каких-то доисторических животных. Руки так и чесались их нарисовать – как вот папа рисовал в своем журнале. И тут, прямо у меня на глазах, подлетело еще несколько. Длинные белые крылья были широко расправлены, как крылья самолета. Я сразу подумал про маму, как она водит огромные транспортные самолеты – легко, спокойно, они у нее как эти птицы.

Глаза щипало от пота, гудели комары. Я вернулся на дорогу, крутя руками, как пропелле-ром, – отмахиваясь от насекомых. Заметил на земле длинное белое перо, удивился, подобрал. На самом кончике была черная кайма. Я унес перо с собой, чтобы потом нарисовать.

Далеко я не ушел – в лесу, прямо у меня за спиной, раздался треск ломающихся сучьев; я замер. Затаил дыхание, вслушался, приготовился пуститься наутек. Звуки очень громкие – там наверняка какое-то крупное животное. Я выждал, но больше ничего не услышал, так что пошел дальше. Побыстрее. Насторожившись.

Опять те же звуки! По коже побежали мурашки. За мной что-то гонится!

Я стал вспоминать. Что там Хани говорила про животных на острове? Среди них есть и опасные: аллигаторы, лисы, медведи. Я представил себе, как за спиной у меня лязгают зубы. А если на меня нападут? Как защищаться? Я один и совершенно беспомощен – прямо мышка, за которой гонится кошка.

Сердце забило быстрее, я стал искать крепкую палку, чтобы ею защищаться. Не нашел. Поднял большую сосновую шишку. Если придется спасаться бегством, брошу ее для отвлече-ния.

Пошел дальше, ускорив шаг. Снова треск сучьев и шорох листьев. «А если это Большой Ал?» – подумал я. Хани мне сказала, что аллигаторы быстро бегают. Что, если он на меня нападет, сожрет заживо... и никто даже ничего не узнает!

Я вспомнил, как однажды перепугался в лесу, когда мы ходили в поход с папой. Мы спали в палатке, и меня разбудили громкие вопли и крики. Папа сказал: «Если тебе страшно, помни, что храбрость – это не отсутствие страха. Храбрость – умение действовать перед лицом страха».

И мы вместе выглянули из палатки. Вокруг костра ходил, принюхиваясь, толстый енот. «Вот ведь свирепая зверюга», – сказал папа. Мы тогда долго над этим смеялись.

Я знал, что нужно делать. Адреналин так и струился по телу. Я остановился, развернулся, широко раскинул руки.

– Р-р-р-р-у-у-у! – зарычал я во весь голос, изображая дикое животное. – Иди отсюда! И я бросил шишку туда, откуда исходил звук.

Из леса выкрикнули:

– Ай! Прекрати!

Я опешил окончательно.

Всего лишь мальчишка. На ногах – уже знакомые модные синие «Найки». Тот, с парома. Он шагнул из-за деревьев на дорожку, потирая плечо.

– Эй, не надо шишками кидаться. Больно, – пожаловался он. А потом добавил со смехом: – Здорово ты целишься.

– Ты меня преследовал? – спросил я в упор.

Он опустил глаза, передернул плечами.

– И очень зря. Я решил, что ты Большой Ал или кто-то в таком духе.

Он вскинул на меня глаза.

– А кто такой Большой Ал?

– Аллигатор. Самый крупный на острове.

Брови у него поползли вверх.

– А ты знаешь, что в мире существует всего два вида аллигаторов и американский аллигатор – один из них?

– Нет. Как-то не до того было, пока я соображал, съедят меня или нет.

– Угу, – ответил мальчишка со смехом, подошел поближе. Враждебность куда-то пропала. – Молодые аллигаторы в основном питаются насекомыми и мелкой рыбой. Взрослые – рыбой, змеями, черепахами, птицами и мелкими млекопитающими.

– Так мы и есть мелкие млекопитающие...

Он пожал плечами, ухмыльнулся.

– Да, наверное, он мог бы тебя съесть.

Я не выдержал и тоже рассмеялся.

– А ты много знаешь про аллигаторов. Они что, твои любимые животные?

– Нет, я просто люблю прикольные факты.

– Вот тебе факт: идти за мною тайком было совсем не прикольно.

Он пнул носком ноги камушек, потом посмотрел на меня.

– Знаю. Прости, пожалуйста.

– А зачем ты это делал?

– Сам не пойму. Сперва шел по звериному следу. Кажется, лисы. А может, койота. Ну а потом смотрю – ты идешь, мне стало любопытно, я решил, что вместо животного послезу за тобой. Ты чего бросил электромобиль?

Настал мой черед пожимать плечами.

– Он сломался. Почему – не знаю.

– Ты его зарядил, прежде чем ехать?

– В смысле – зарядил?

– Ну, электромобиль нужно заряжать перед каждой поездкой.

Этого Хани мне не сказала.

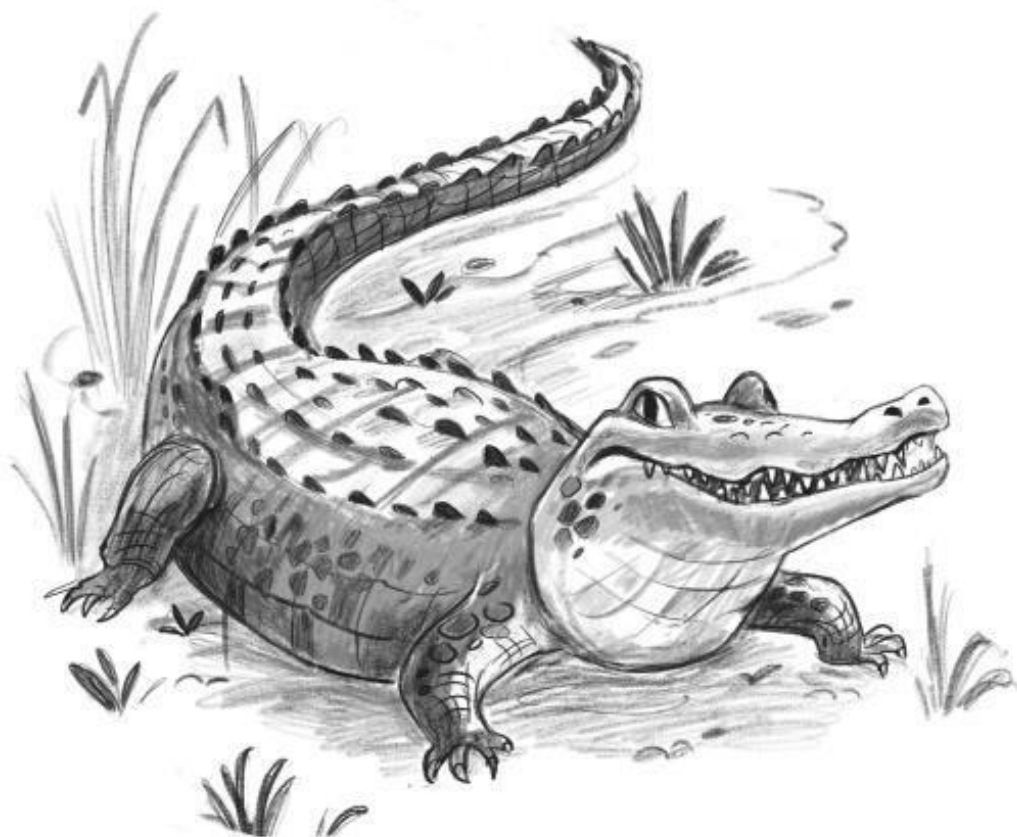
– То есть, видимо, аккумулятор разрядился, – догадался я. – Придется идти пешком и звать на помощь.

– Пошли вместе?

Похоже, ему на этом острове было так же одиноко, как и мне.

- Конечно. Я Джейк Поттер. – Я протянул ему руку. – Джейк.
Он в ответ протянул свою.
- А я Мейсон Аллен Симмонс. Можешь звать меня Мейсоном.
Мы вместе зашагали по проселку, перепрыгивая через лужи, бросая ветки и шишки в лес. Вдвоем было совсем не так страшно.
- А ты здесь живешь? – спросил я.
– На Дьюисе? Еще не хватало. Я из Атланты.
– А я из Нью-Джерси. Приехал на лето к бабушке.
– На все лето? Прикольно. Я тут тоже на все лето.
Мы оба улыбнулись. Похоже, каникулы будут не такие уж ужасные.
- А как ты тут оказался? – спросил я.
– У мамы скоро ребенок родится, и доктор сказал, что ей нужно отдохнуть. Вот мы сюда и приехали. Мама выросла неподалеку. Этот дом родители купили как дачу. Папа то приезжает, то уезжает обратно в Атланту – у него работа. Он юрист. Сказал мне, что я должен побольше помогать по хозяйству.
- Я фыркнул.
– Да, мне то же самое сказали.
– А твой папа тоже не здесь?
Улыбка моя погасла, я кивнул.
– Не здесь. Он военный, капитан. Служил в Афганистане, их конвой подорвался на самодельном взрывном устройстве.
– Это что-то вроде мины, да? – уточнил Мейсон.
Я кивнул.
– Ничего себе. Ужас какой.
– Да. Папа ранен. Только я пока не знаю, насколько сильно.
Некоторое время мы шли молча, потому что оба не знали что сказать.
Наконец Мейсон спросил:
– А ты в видеоигры играть любишь?
– Понятное дело!
– Тогда приходи в гости. Посидим, поиграем.
Я остановился и уставился на Мейсона.
– Чего? – не понял он.
– У вас есть вайфай?
Он передернул плечами.
– А что, у кого-то его нет?
– Да вот, – сказал я.
– Шутишь! – Он явно мне не верил. – Я б свихнулся.
– Во-во. Хани... моя бабушка... типа считает, что он ни к чему. Отказывается его к себе проводить. У нее даже спутникового телевидения нет.
– Ничего себе, – покачал головой Мейсон. – Прямо какое-то назад в прошлое.
Дальше дорога разветвлялась. На деревянной табличке значилось: «ПЕЛИКАНЬЯ УЛИЦА».
- Направо или налево? – спросил я.
Мейсон пожал плечами.
– Понятия не имею. Первый раз тут. Из-за дождя...
– У тебя монетка есть?
Мейсон вытащил из кармана двадцать пять центов.
– Орел – пойдём направо. Решка – налево.
Мейсон подбросил монетку, поймал, приложил к локтю.

– Направо!

Глава 6

Новые друзья

Мы будто бы на своем собственном острове

Мы с Мейсоном двинулись вправо, и тут сзади донеслось гудение электромобиля. Обернувшись, мы увидели, что нас нагоняет серебристая тележка для гольфа. Я тут же подумал: «Спасены!» Водитель притормозил, остановился рядом с нами – им оказалась девчонка с длинной светлой косой. Лоуви.

– Привет, Джейк! Заблудились, что ли?

Я почувствовал, что краснею.

– Нет, идем в Природоохранный центр.

– Это твоя тележка там, на дороге?

– Да. Аккумулятор разрядился.

– Ну туда пешком полдня топать. И кстати, не в этом направлении. Залезайте, подвезу.

Я запрыгнул на заднее сиденье. Мейсон – на переднее, рядом с Лоуви.

– Я Мейсон.

Она улыбнулась.

– Привет, а я Лоуви. Ты тут тоже недавно?

– Ага.

– Ладно, я вам покажу, что тут где. – Она хихикнула. – А то опять заблудитесь.

Лоуви развернулась, и мы поехали влево. Она, как и Мейсон, оказалась этаким всезнайкой, но на сей раз я даже обрадовался. Лоуви вела себя как настоящий гид. Указывала, какие тропинки ведут к пляжу, провезла нас мимо общественного бассейна. Я старался держаться покрепче, потому что Лоуви останавливалась без предупреждения, выскакивала и что-то фотографировала на мобильный телефон.

– Отличный телефон, – сказал я. Мне так не хватало моего собственного!

– Спасибо. Мама хочет знать, что я и как, пока она на работе. А мне нравится фотографировать насекомых, птиц и... Ого, смотри! – взвизгнула Лоуви, указывая на ствол сухого дерева без кроны.

– Где?

– Впереди. В дупле.

Я сощурился и увидел маленькую сову, которая выглядывала из темной дыры. Круглые желтые глаза внимательно за нами наблюдали.

– Ух ты, соенок! – сказал Мейсон.

– Не-а. Никакой не соенок. Это малая ушастая сова. Они и взрослые совсем маленькие. И кстати, ты на размеры не смотри. Они проворные и очень свирепые.

– Я про них читал, – сказал Мейсон, спрыгивая с тележки, чтобы взглянуть поближе. – Они любят гнеститься в дуплах, где раньше жили дятлы.

– Правильно. – Лоуви указала на тележку. – Видишь бинокль на сиденье? Хватай, лучше разглядишь.

Мейсон взял бинокль, подошел поближе.

– Ты тут недавно? – спросила Лоуви.

– На лето. Мы из Атланты.

– А у вас там много ушастых сов? – поинтересовалась она, слегка поддразнивая.

Мейсон фыркнул.

– Я бойскаут, мы ходим в походы и изучаем диких животных. А в городе ничего такого нет, – объявил он, глядя в бинокль. – А ты знаешь, что у сов перья растут даже на лапах и на пальцах лап?

Я закатиł глаза. Этот Мейсон – прямо ходячий гугл.

– Да, верно, – подтвердила Лоуви, смерив Мейсона оценивающим взглядом. – А еще перья на крыльях у них не такие, как у других птиц. Поэтому они летают очень-очень тихо, это помогает им ловить добычу.

Я смотрел, как они улыбаются друг другу, – и очень пожалел, что сам не знаю ничего такого же интересного.

– Поехали, ладно? – попросил я. – А то моя тележка так и стоит посреди дороги.

– Ладно, по местам, – командовала Лоуви, вновь усаживаясь за руль. – Но сперва я должна показать вам еще одно место. Совершенно потрясающее!

– Прикольно! – снова сказал Мейсон. Похоже, это было его любимое слово.

Лоуви отвезла нас на берег океана – как выяснилось, это место она любит больше всех на острове. Свернув с главной дороги, мы некоторое время тряслись по широкому деревянному настилу, положенному между высокими деревьями, потом миновали заболоченный участок и два больших дома, скрытых за ветками. Остановились так резко, что я едва не вывалился.

– Дальше на тележке никак, – объявила Лоуви.

– Как ей вообще разрешают водить электромобиль? – пробормотал я, вылезая, Мейсону на ухо.

Он пожал плечами.

– Вообще не понимаю. У нее одна-единственная скорость: быстро.

Лоуви указала на узкую дорожку:

– Дальше пешком.

– А еще она любит командовать, – прошептал я.

Пересмеиваясь, мы пошли вслед за Лоуви по засыпанной мягким песком тропке к берегу. Под ногами сновали черные муравьишки.

– Не бойся, – сказала Лоуви, услышав, как я хмыкаю и высоко задираю ноги. – Черные муравьи, в отличие от красных, не кусаются. Красных мы называет пожарниками, и укусы их потом чешутся будь здоров. Смотрите, а вон индейская кисть, – добавила Лоуви, указывая на красно-желтые дикие цветы, росшие повсюду на песчаных дюнах. Она остановилась, чтобы сфотографировать их на телефон. Мейсон вытащил свой и тоже сделал фото.

Я прямо ощущал пустоту в руках. Нет у меня телефона. И тут я вспомнил про тетрадку, которую оставил в тележке. На заметку: тетрадь носить с собой повсюду.

Я сначала услышал океан, а уж потом увидел.

Мы вышли на вершину дюны, и с последним шагом все вокруг изменилось. Впереди вдруг распахнулась синева неба и океана – они тянулись насколько хватало глаз. Я стоял непо-

движно, вдыхая ветерок, в котором буквально на вкус ощущалась океанская соль. Пляж был длинный, на нем, кроме нас, – никого. Волны с белыми гребнями разбивались о берег.

– Ух ты! – только и сумел произнести я.

– Совершенно согласен, – откликнулся Мейсон.

– Давайте за мной! – выкрикнула Лоуви и помчалась по мягкому песку.

Мы с Мейсоном переглянулись, а потом бросились вдогонку. От подошв в сухом песке оставались глубокие полумесяцы. Лоуви остановилась рядом с ярко-оранжевым ромбом, приколоченным к деревянному столбу. На знаке было написано: «Гнездо головастой черепахи». Тут же стояло два деревянных кольшка, и небольшой треугольный участок был огорожен оранжевой лентой.

– Что это такое? – спросил я, отдуваясь.

– Гнездо черепахи, – ответила Лоуви. – Моей черепахи, – добавила она с очень довольным видом. – Это я его нашла в первый день школьных каникул. Вот, смотрите. – Она указала на главный столбик. – Они даже написали на столбике мое имя. И дату, когда мы с «Черепашьим отрядом» обнаружили это гнездо.

Я наклонился и прочитал: «ЛОУВИ ЛЕГАР, 15.06».

– Ого! Так это тот день, когда я сюда приехал!

– И я, – добавил Мейсон.

– А что там внутри? – спросил я.

– Черепашьи яйца, разумеется! – с усмешкой ответила Лоуви.

Я почувствовал, что краснею.

– В смысле, я не знал, там яйца или маленькие черепашки. – Я пожал плечами. – В Нью-Джерси-то черепахи не водятся.

– В Атланте тоже, – добавил Мейсон. – Но я знаю, что черепахи – это рептилии.

– Правильно. Они, как и аллигаторы, откладывают много яиц, – сказала Лоуви.

Я видел, что ей интересно об этом говорить.

– Эта мама-черепаха выбрала очень хорошее место для кладки, – продолжала Лоуви голосом школьной учительницы. – «Черепашьему отряду» даже не пришлось ее перемещать, поэтому мы и не знаем, сколько их там. – Она тоже пожалала плечами.

– А ты как думаешь – сколько? – спросил я, прикидывая: наверное, два или три.

– Ну, шестьдесят, сто... может, и больше.

– Ух ты, как много! – поразился я.

– Перемещать? Зачем тебе это? – спросил Мейсон. Ему, в отличие от меня, очень хотелось узнать что-то новое про черепах.

– Ну мне в любом случае нельзя, – заметила Лоуви. – Трогать кладку запрещено законом. На это нужно разрешение. Взрослые из «Черепашьего отряда» решают, удачно расположено гнездо или нет. Если до него могут доплеснуть волны, или рядом прогулочная дорожка, или еще что в этом роде, они перемещают яйца выше на дюны. Моя тетя Сисси тоже в «Черепашьем отряде». Кстати, как и твоя бабушка, мисс Хелен, – обратилась она ко мне.

Я этого не знал. Зато теперь понял, откуда у бабушки на электромобиле флажок «Черепаший отряд».

– Вот только в этом году она в патрулировании не участвовала. Да и в прошлом тоже. Решила уйти из отряда?

– Не знаю, – ответил я. – Но два года назад умер дедушка Эд. И бабушка очень грустила. Я не стал рассказывать про дедушкину аварию. Не смог себя заставить.

– А как ты нашла черепашье гнездо? – спросил Мейсон.

– Члены отряда каждое утро обходят пляж, ищут черепашьи следы.

– Я люблю ходить по следу. А как выглядит черепаший след? – заинтересовался Мейсон. Лоуви хмыкнула.

– Как след от шины.

Мейсон приподнял брови.

– Такой большой?

– Ну, взрослая самка черепахи весит больше ста килограммов, – объяснила Лоуви.

Мы с Мейсоном дружно вытаращили глаза.

– Прикольно! – сказал Мейсон. – Вот бы на такую посмотреть!

– Увидеть, как черепаха откладывает яйца, почти невозможно. Они с большой опаской выползают на берег – и она ни за что не выйдет, если рядом человек или другое животное. И яйца они кладут только поздно ночью, в темноте. – Лоуви улыбнулась. – Но можем попробовать. Вдруг повезет?

– А когда детеныши вылупляются? – спросил Мейсон.

– Когда положено, – ответила Лоуви.

Мейсон закатил глаза, мол, а то я сам не знаю.

Лоуви улыбнулась.

– Обычно примерно через два месяца.

Я увидел, как человек-гугл что-то подсчитывает в голове.

– Значит, они вылупятся в августе, до того, как мы уедем в школу. Можно будет посмотреть!

– А то! – сказала Лоуви. – Я-то уж точно этого не пропущу. Это же мое гнездо, – добавила она.

– А еще ты знаешь... – опять начал Мейсон.

Я застонал – снова какие-то факты.

– ... что головастая черепаха – символ штата Северная Каролина? И что они под угрозой вымирания?

– А то! – ответила Лоуви. – Потому что это самое мое любимое животное на свете.

Теперь понятно, почему у нее на зеленой футболке нарисована черепаха, а на шее – серебряный медальон в форме черепахи. «Да уж, – подумал я, – помешалась она на этих черепахах».

– Очень жарко, – сказал я – захотелось чего-то новенького. – Пошли искупаемся!

Лоуви сорвалась с места, крикнув через плечо:

– Догоняйте!

Мы с Лоуви прыгнули в воду одновременно. Со смехом сбросили обувь, промчались по мелководью – одежда намокнет, ну и ладно. Брели по прохладной воде, пока волны не сбили нас с ног. В Южной Каролине вода оказалась куда теплее, чем в Нью-Джерси. Мы стояли на мягком песчаном дне, смеялись, брызгались – с мокрой одежды бежали капли, она липла к коже.

– Мейсон, давай! – крикнул я. – Тут так здорово!

Мейсон смотрел на нас с берега.

– Не лезу я в воду – там акулы! – крикнул он.

Акулы? У меня мурашки побежали по коже, я стал вглядываться в воду.

– Лоуви, тут правда есть акулы?

– Конечно, они везде есть! – откликнулась Лоуви, а потом, увидев у меня на лице испуг, рассмеялась. – Ты не переживай. Они не нами питаются. Мы их не интересуем... обычно.

Она фыркнула, нырнула в очередную волну, уплыла дальше.

Я обернулся, посмотрел на берег. Мейсон искал ракушки в песке. За спиной у меня плескалась, лежа на спине, Лоуви. Больше поблизости никого. Мы будто бы на своем собственном острове.

У меня появились друзья, подумал я с удивлением.

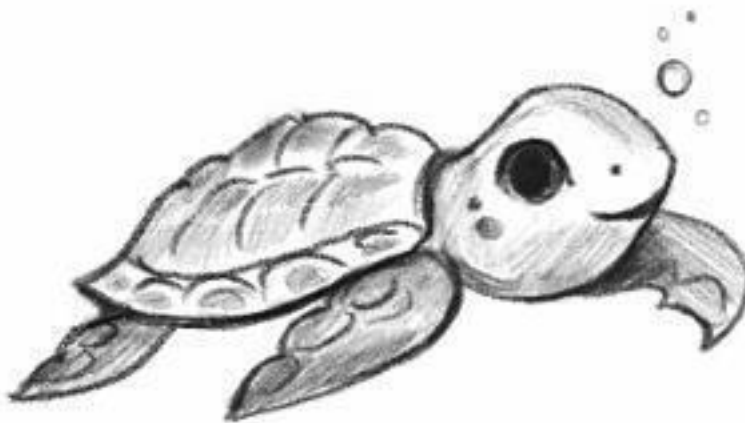
Одиночество отступило – впервые за все это лето.

Глава 7

Журнал наблюдений

Найди любимое занятие – и получи удовольствие

Тележку отбуксировали обратно к бабушкиному дому. Хани не сердилась. Она же сама забыла ее зарядить. Научила меня подсоединять тележку к электропитанию.

Тележка была грязной до невозможности. Глина, песок, листья повсюду. Даже думать не хотелось, когда Хани мыла ее в последний раз. Я налил в ведро воды с мылом, прихватил тряпку и взялся за дело. Вымел листья, смыл грязь, протер лобовое стекло и зеркало заднего вида, даже начистил торпеду и фары. Теперь ведь это была и моя тележка.

– Обедать! – крикнула сверху Хани.

Я страшно проголодался, но только вздохнул, вспомнив о содержимом ее холодильника.

– Иду!

На Хани была зеленая футболка «Черепашьего отряда», такая же, как у Лоуви, и шорты.

– Ты какой бутерброд хочешь, Джейк? С сыром и ветчиной? – Она повернулась ко мне от холодильника, в руке контейнер. – Гляди-ка! Нарезка из индейки. А я про нее и забыла. – Хани принюхалась. – Пахнет вроде нормально.

Я сморщился.

– Мне не хочется есть.

– Не хочется есть? Ты на себя посмотри! Тощий какой! Обязательно нужно есть, а то мне от твоей мамы попадет. Ну, ты чего хочешь?

Про себя я подумал: саб длиной в полметра или кусок горячей пиццы. Нет, не так... целую пиццу! Как они тут выживают на этом острове – без единого ресторана, фастфуда и даже нормального магазина?

Я заметил остатки хлеба, который привезла Лоуви.

– А арахисовое масло у тебя есть?

Хани порылась в шкафу, удовлетворенно хмыкнула, нашарила банку и протянула мне.

– Тебе повезло. Я про нее и забыла.

Да уж, повезло. Банку еще даже не открывали. Хани подала мне тарелку с остатками хлеба. Я разрезал его на два куска, намазал толстым слоем арахисового масла и тут же проглотил. Посмотрел на пустую тарелку и подумал: так, а что же я буду есть дальше?

После обеда я попробовал уговорить Хани выйти со мной на улицу, посмотреть на наш электромобиль. После дождя она еще не выходила из дома.

– Я его так начистил, что он теперь как новенький, – похвастался я. – Давай прокачу. Вдруг Большого Ала увидим?

– Нет-нет, – сказала она, покачав головой. – Что-то бедро разболелось. Посижу немножко, почитаю. А ты давай.

Я смотрел, как она уходит с книжкой к себе в спальню. Мне делалось грустно от одного ее вида. Потом я обвел глазами пустой дом, грязную посуду, неаккуратные стопки книг и вспомнил мамины слова о том, что Хани нуждается в помощи.

И я решил помочь. Вытер стол, вымыл посуду. А потом заодно еще и столешницу, на которой готовят. Открыл холодильник – все те же полки, набитые едой.

А что если выбросить все, что испортилось? Я рассмеялся. Тогда холодильник просто опустеет! С другой стороны – а вдруг Хани что-нибудь съест и отравится? Больницы на острове нет. Должен же кто-то навести здесь порядок.

Я решил: кроме меня-то некому. Вытянул руку на всю длину, откинул назад голову, открыл один из контейнеров. Бр-р-р! Я чуть не подавился, увидев внутри плесень. Зажал нос и выкинул из контейнера загадочную еду.

Фу, гадость какая! Ну хоть что-то для начала. А потом – мне очень хотелось молока – я вытащил еще одну вещь. Картонную упаковку с молоком. Тоже понюхал – скисло давным-давно – и вылил его в раковину. Теперь нам точно придется купить свежего молока!

Дождь бил по металлической крыше, заливал окна. Не получится сегодня встретиться с друзьями в Природоохранном центре, как мы договорились. От голода я вроде как тоже немного ослаб, поэтому пошел к себе в лофт и достал тетрадку. Попробовал вспомнить все те новые места, которые видел накануне.

Время бежало быстро, хотя снаружи продолжал лить дождь. Настало время ужина, я проголодался окончательно и пошел на кухню поискать какой-нибудь еды. Хани, видимо, меня услышала. Вышла из спальни. Вид у нее был такой, будто она только что проснулась.

– Хани, хочешь я нам ужин приготовлю?

Она глянула на меня с удивлением:

– А ты умеешь?

– Воду кипятить умею, – ответил я, ухмыльнувшись. – Мне тут коробка макарон попала. Их и отварю.

– Отличная мысль, – одобрила Хани. – У нас, наверное, есть сливочное масло и сыр.

– Э-э... мама обычно делает макароны с оливковым маслом, – сказал я, вспомнив прогорклое масло.

– Ну, ты у нас за повара, – сказала Хани и впервые за этот день улыбнулась.

Мне просто не терпелось приготовить что-нибудь, что потом можно будет съесть. Я отварил макароны, посолил чесночной солью – представьте себе, она нашлась! – добавил черного перца. В одном из контейнеров нашелся пармезан, и я решил рискнуть – пармезан ведь даже не обязательно держать в холодильнике. Я был такой голодный, что макароны с сыром показались мне вкуснее обычного. А на десерт Хани, к моему удивлению, достала из морозильника пачку песочного печенья. Вот молодчина! Я съел почти всю пачку.

После ужина Хани осталась в гостиной, села читать книгу в свое любимое кресло. Синяя ткань так сильно вытерлась, что на ручки она положила связанные крючком салфеточки – я такие видел на старинных фотографиях. Прежде чем бабушка погрузилась в чтение, я сбежал наверх и принес тетрадку. Поколебался, вдохнул-выдохнул. Стеснялся показывать ей свои рисунки.

Я любил рисовать, но иногда над моими картинками смеялись. С другой стороны, Хани же сама попросила ей потом показать, верно? А еще... я на них потратил весь этот день. «Смелее», – сказал я самому себе.

– Э-э... Хани? – спросил я, робко подходя к ней.

Она подняла глаза от книги, подбодрила меня слабой улыбкой:

– Да, солнышко?

– Я, э-э... вот подумал, может, ты захочешь посмотреть мой журнал. Ну ты же сказала, что это такое домашнее задание.

Улыбка ее стала шире от удовольствия.

– Ну конечно! Ты молодец, Джейк. – Она указала мне на стул рядом. – Так-так, – продолжила она, протягивая руку, – поглядим, какие ты сделал открытия.

Я протянул Хани тетрадку, а сам сел рядом и наклонился вперед, чтобы смотреть на ту же страницу, что и она. Облизал губы, поджал пальцы на ногах.

– Ой, ну надо же! – обрадовалась Хани. – Как ты здорово нарисовал пристань и паром. – Она перевернула страницу. – И нашу тележку! – Она пролистала дальше. – Ага, а вот и животные. Сова, олень. Очень я их люблю. Гляди-ка, муравей.

– Черный муравей.

– Да, по счастью. Еще называется муравей-древоточец. Не кусается, в отличие от мелких красных. – Она указала на зеленую ящерицу: – А вот и анолис.

– Она так называется? – спросил я.

– Без подробностей не скажешь, – заметила Хани. – Но она зеленая. Скорее всего, анолис.

Потом она посмотрела на меня с гордостью.

– Как же я рада, что ты решил добавлять в журнал еще и рисунки. Молодчина, Джейк.

Я почувствовал, что раздуваюсь от гордости, и мне захотелось нарисовать что-нибудь еще.

– А у папы рисунки в журнале просто отличные.

– Согласна. И ты унаследовал его талант.

Мне нравилось, что меня сравнивают с папой, но верил я в это плохо. Я откинул волосы со лба.

– Ну, даже не знаю. В смысле, у него правда здорово получалось.

– Верно. Потому что он много этим занимался. – Бабушка склонила голову набок. – А ты часто рисуешь?

Я пожал плечами:

– Ну, бывает.

– Чем больше рисовать, тем лучше будет получаться. Твой папа никуда не ходил без своего журнала. Говорил: никогда же не знаешь, что тебе попадет. – Она улыбнулась этому воспоминанию. Потом снова посмотрела на меня. – Ты только подумай, сколько у тебя будет возможностей рисовать – ведь здесь, на острове, ты увидишь очень много новых растений и животных.

Это меня страшно обрадовало.

– А еще могу дать тебе такой совет: читай про то, что увидишь, и вноси все сведения в журнал. Так поступают настоящие натуралисты. Записывают все подробности своих открытий.

Я вспомнил папин журнал и его заметки на каждой странице.

– Например, – продолжала Хани, – вот ты нарисовал птицу. Ты знаешь, что это за птица?

Я покачал головой.

– Но рядом я нашел вот это. Мне кажется, это ее перо. – Я протянул перо бабушке.

Она внимательно его осмотрела.

– Да, для начала неплохо.

Хани вдруг оживилась, отложила книгу, отдала мне мою тетрадку, встала и поманила меня за собой. А потом она, будто собака, идущая по следу, принялась обнюхивать все книжные полки. Вытащила три книги, с ними мы подошли к деревянному столу. Хани села – глаза у нее блестели. Она жестом подозвала меня к себе.

– Ну, Джейк, полагаю, ты знаешь, что птиц существует бесчисленное множество, самых разных размеров, форм и цветов. Определить, что ты видел за птицу, – совсем непростое дело. Но есть некоторые уловки, которые помогают разобраться в определителях. Через некоторое время у тебя обязательно появится любимый. – Она похлопала по лежавшей перед ней книге. – Мой – вот этот. Первое, о чем я себя спрашиваю, где именно я видела птицу. На дереве? На пляже? В болоте, на пруду?

– Эти были на пруду.

– Значит, водоплавающие. Они плавали или стояли?

– Эта стояла. У нее длинные черные лапы.

– Важная подробность, – кивнула Хани, записывая. – Теперь размер. Большая или маленькая?

– Большая, – ответил я и показал рукой, какого птица была роста.

– Около метра, – кивнула Хани, записывая и эту подробность. – А теперь расскажи все, что ты помнишь. Какого она цвета, какие у нее глаза и, главное, голова. Заметил что-то необычное?

Я призадумался, вспоминая, как выглядела большая белая птица.

– Когда она взлетала на дерево, я заметил, что у нее на крыльях есть черное. А еще, – добавил я важную подробность, – у нее очень странная шея. Вообще без перьев. Лысая, даже какая-то чешуйчатая. И клюв вот такой длины. – Я показал, какой именно.

– Важные подробности. – Хани еще раз посмотрела в тетрадку. – А какого цвета у нее клюв?

Я почесал в голове.

– Прости, не запомнил.

– Ничего. Ты и так сообщил много подробностей. А теперь самое интересное. – Хани пошевелила бровями. – Будем охотиться!

И она стала переворачивать страницы. Я видел, что ей нравится наше занятие.

– Вот! – воскликнула она и подвинулась, давая мне место рядом с собой. – Ты так все подробно описал, что у нас всего-то парочка вариантов.

Она указала на первую птицу.

– Это ибис. Давай сверимся с нашим списком. – Она стала зачитывать из книги: – Белая болотная птица. Подходит. Края крыльев – черные. Подходит. Посмотри на клюв. Красный, кривой. – Она посмотрела на меня. – Может, это был ибис?

Я покачал головой.

– Нет. Он гораздо меньше. И у той птицы, кажется, был черный клюв.

– Цвет и форма клюва – очень важные подробности. – Хани пролистала еще несколько страниц, указала мне на другую птицу. – Ну а белая цапля? Цвет подходит. Тоже болотная. Клюв у нее черный.

Я покачал головой.

– Те, которых я видел, были крупнее. И голова у этой не такая. У белой цапли есть перья на голове. И еще на крыльях у нее нет черного.

– Верно. Зоркий у тебя глазок. Тут перед нами снежная цапля. А ты говоришь – крупнее. Гм-м... Может быть... – Она перевернула еще несколько страниц, указала на картинку. – Вот эта?

Я тут же узнал крупную белую птицу с длинными ногами, лысой чешуйчатой головой и шеей. Какое замечательное открытие!

– Да, она самая.

Хани ухмыльнулась.

– Ты видел молочного клювача. Его ни с кем не спутаешь. Они выделяются размерами и лысой головой. Обрати внимание, что клюв у него черный и изогнутый, почти как у ибиса.

Ты все правильно сказал: они живут стаями и гнездятся на деревьях у водоемов. – Хани снова взяла в руку длинное перо. – Я уже старая, помню времена, когда клювачи в основном жили во Флориде и считались вымирающим видом. Это было еще в восьмидесятые, когда твой папа только родился. А потом они все чаще стали появляться в Южной Каролине. Представляешь, всего лишь за время жизни твоего папы молочных клювачей исключили из списка вымирающих видов. Здорово, да? Впрочем, они по-прежнему под угрозой. Нам очень повезло, что у нас, на Дьюисе, такая многочисленная популяция.

Хани вернула мне перо, погладила по щеке.

– Я тобой очень горжусь, Джейк. Из тебя может получиться отличный натуралист – в этом смысле ты прямо как твой папа. А еще знаешь что? Я уж и не упомяну, когда мне было так хорошо. Я часто повторяю: найди любимое занятие – и получай удовольствие! У тебя отлично получается рисовать. Вот и получай удовольствие, Джейк.

Я улыбнулся бабушке. Мне было приятно, что она меня хвалит, а еще приятнее – что она радуется.

Мы провели вечер вместе: Хани учила меня определять птиц по размерам, внешности, окрасу и месту обитания. Именно такую Хани я и помнил – интересующуюся всем на свете, всегда готовую открывать новое. Она так много знала про мир природы! И вот теперь книги не разделяли нас, а объединяли.

Вечером я лежал в кровати, закинув руки за голову. Смотрел сквозь большое круглое окно в ночное небо. Здесь огни города не гасили свет звезд. Звезды ярко сияли в небе – черном, как край крыла у клювача.

Одно меня тревожило: почему до сих пор не звонит мама. Это хороший знак или плохой? Будь у меня мобильник, я бы все время закидывал ее эсэмэсками. И тут у меня екнуло сердце. Мама ведь не знает, что я потерял мобильник! А вдруг она пыталась мне позвонить? С другой стороны, у нее же есть номер Хани. Я вздохнул. Хани мама тоже не звонила.

«Как там мой папа?» – гадал я. Хотелось ему рассказать, что я читаю его журнал. Что пытаюсь стать похожим на него. Очень хотелось услышать его голос.

На глаза навернулись слезы, поэтому я встал и подошел к деревянному письменному столику в углу комнаты. Вытащил свой журнал. Там еще оставалось много чистых страниц, где можно было писать и рисовать, – не то что у папы. Но в моей тетрадке уже не было пусто. Там появились рисунки, описания животных, которых нарисовал я сам. Я чувствовал вес тетрадки в руке. Это *моя* жизнь. Мои наблюдения. Мой дневник. Журнал стал для меня очень важной вещью.

Хани сказала, что стоит делать записи и о том, как прошел мой день. Записывать не только что я видел, но и что делал, чувствовал.

Это проще сказать, чем сделать. И все же я решил попробовать. Написал несколько фраз, а потом бросил, стало скучно: плохо у меня получалось описывать свои мысли и чувства.

Папа в своем журнале иногда писал, что ему одиноко или весело. Описывал, чем они занимались с его другом Рыжиком. Я читал – и мне казалось, что папа со мной разговаривает. Что я узнаю его лучше прежнего.

Я посмотрел на свою запись, и мне она показалась... ну прямо как в школе. «Ездил в Природоохранный центр. Привез воды. Сломалась тележка». Все это факты, а надо описывать чувства. Я вычеркнул эти слова. Как сделать так, чтобы слова обрели смысл? Научиться писать так, как папа?

И тут мне пришла в голову отличная мысль. А что, если написать папе?

Я вырвал из тетрадки чистую страницу, расправил на столе, набрал в грудь побольше воздуха, представил себе папино лицо. Папину улыбку. Улыбнулся в ответ и начал:

Дорогой папа!

Я очень скучаю. По маме тоже. Прямо ужасно!

Хани дала мне на лето домашнее задание. Представляешь? Сперва я рассердился, но оказалось интересно. Она подарила мне тетрадку и сказала, что это будет мой журнал. В нем будут рисунки и записи про то, что я увижу на острове и что буду здесь делать. Я буду как ты, когда ты был маленьким. Хани показала мне твой старый журнал. Надеюсь, ты не против. Я читаю, и мне очень нравится. Здорово слышать твои слова. Мне даже кажется, что ты здесь и мы с тобой разговариваем.

Сегодня попытался нарисовать больших белых птиц, которых видел у лагуны. У них чешуйчатые головы, прямо как у динозавров. Или даже как у драконов. Догадаешься, кто это такие? Молочные клювачи!

Но знаешь, папа, очень странно жить без вайфая. И без мобильного (не спрашивай!). Тут даже нормального телевизора нет. Как ты это терпел?

Я познакомился с двумя ребятами. А до того боялся, что на острове вообще нет детей. Они примерно моего возраста. Мейсон – из Атланты. Он очень умный и взрослый. И кажется, богатый. Еще есть Лоуви. Она живет в Айл-де-Палмс. Сама плавает туда на катере! Я тоже обязательно научусь. Хани сказала, что нужно сдать какой-то экзамен. Зато – представляешь? – Я уже умею водить электромобиль!

Ну, пока все. Скажи маме, пусть она мне позвонит. Хани за тебя переживает. Делает вид, что все хорошо, но я знаю, что она притворяется. Понимаю ее чувства. Я и сам очень переживаю.

Папа, я тебя люблю!

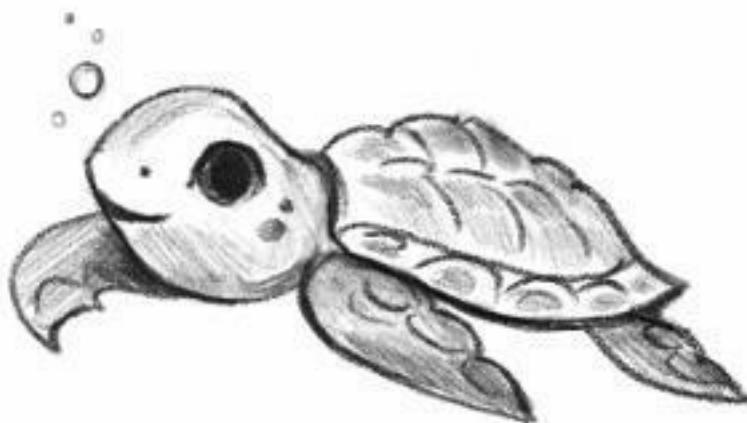
Твой сын

Джейк

Глава 8

Телефонный звонок

Попробуй думать о хорошем

Я постепенно привыкал к новой жизни. Утром вставал, одевался, выходил к завтраку. Хани тоже начала новую жизнь. Больше не разгуливала в пижаме. Одевалась, а уж потом наливала себе первую чашку кофе. К 0800 – так в армии обозначают восемь часов утра – я садился в электромобиль и ехал по хозяйственным делам. Когда заканчивал, солнце уже сияло вовсю. И было жарко.

Кроме того, я уже неплохо ориентировался на острове. По утрам мы с Мейсоном и Лоуви обычно приезжали на электромобилях в Природоохранный центр. Такое место встречи. Внутри стены и мебель были из чистого дерева, потолок как большой купол, под ним вращались вентиляторы. На стенах повсюду висели карты острова, плакаты, посвященные растениям, обитателям океана, диким цветам, фотографии, связанные с историей острова.

Но больше всего мне нравились стеклянные витрины, где лежали всякие диковинки: змеиная кожа, черепахи панцири, редкие ракушки. Тут же стоял аквариум, а в нем жила настоящая бугорчатая черепаха. Мы называли ее Пиратом, потому что узнали, что такие черепахи обитают в соленой воде. Лапы у нее были с перепонками, она подплывала к стеклу, и мы подолгу рассматривали ее серовато-белую кожу с узором из черных пятнышек.

– Смотрите-ка! – позвал нас Мейсон.

Он стоял у одной из витрин и указывал на коллекцию звериных черепов разных размеров.

– Черепа. Прикольно.

Он прочитал на ярлыке: «Глаза спереди – любит охотиться. Глаза по бокам – любит прятаться». Мейсон посмотрел на нас, ухмыльнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.